

вести целиком: *От посадника Терьнтія. Се дахъ святѣи Богородици на Княжѣостровѣ сель Роспоинѣ Михайловѣ, и дворѣ, и землю оромую, и пожни, и всѣ слѣдѣ Михайловѣ. А пришло мнѣ то в табды. А иному не надобѣ никѣму жь* (ГВНП, № 253). Вопреки обыкновению начинать данные грамоты с *Се да...*, автор этого текста придал ему, по сути, форму письма. С этим нарушением формуляра корреспондирует крайне редкое в новгородской актовой письменности использование бытовой орфографии (*сель Роспоинѣ Михайловѣ, никѣму жь*): создается впечатление, что посадник Терентий писал грамоту собственноручно. Таким же автографом могла быть и духовная Родивача. Заметим, что как отступление от стандартного формуляра следует трактовать и именование духовного отца просто отцом, свойственное разговорному языку; ср. в «Во-прошании Кириковом» (в части, содержащей вопросы Ильи, гл. 20): *А ꙗже члѣкъ въсхоцеть ѿ ѿца къ иному...*

С учетом сказанного можно попытаться прочесть первую и начало второй строки фрагмента № 341. Первая буква, видимая на две трети ее высоты, — это, очевидно, косое *ѣ* или *ѡ* (скругление в верхней части правого штриха делает первое более вероятным). Далее, после уверенно читаемого *н*, следует знак, который может быть трактован как *л*, *х* или *з* (того же рисунка, как и находящееся непосредственно под ним, но с менее загнутым хвостом). Следующая буква могла бы быть интерпретирована как *в*, однако *в* в слове *Родивача* имеет совсем иное начертание. Это означает, что какой-то из видимых штрихов имеет естественное происхождение или проведен по ошибке. Признав таковым правую часть нижней горизонтали, мы получаем *а* того же вида, что и остальные *а* грамоты. Строка, таким образом, приобретает вид: [ѣ]н-[а]ми[ш], с возможностью выбора между *л*, *х* и *з* в месте прочерка. Поскольку буквы *ѣн* могут в данной последовательности быть только цифрами (500 и 50), а *л* и *х* не дают никакого осмысленного чтения, кажется наиболее вероятным, что в начале строки стояло число $\overset{500}{\text{ѣ}}\overset{50}{\text{н}}\overset{50}{\text{з}}$ (557), тогда как с *а* *миш*... начиналась следующая фраза. Связать это начало с продолжением во второй строке можно путем конъектуры: *а лишѣ бы отдали зати* ‘а остальные отдали бы (моему) зятю’ (ср. *зати* в № 497). Такая реконструкция хорошо подходит к контексту духовной: обращаясь к посаднику, Родивач каким-то образом распорядился суммой в 557 (вероятно, гривен?), а остальные просил передать зятю.

№ 346 (1280-е – 1300-е гг., предпочт. не позднее конца XIII в.; В 34) [3]. Как показывают новые фотографии, для конца 3-й строки следует всё же, вопреки ДНД, вернуться к чтению издателей: *во Торожеку* (а не *во Торожеке*).

Перед *во Торожеку* стоит не ...*але*, а *але*.

Реконструкция всей грамоты (с конъектурой Гиппиуса [2004а: 222] в последней строке):

ѿ микиѳора : ко тѣтоке молови раѣ
темирѣ : оти са соцете со моною молови
ж[е-----и]ч[ь сол]- але во торожеку
(а----- не на)[р]ажает лихо деете :

В 3-й строке [сол]- — это либо *соль* (или *sole*), либо *соли*; для надежного выбора данного контекста недостаточно.

К сожалению, для заполнения лакуны в 3-й строке имеется слишком много разных возможностей, чтобы можно было решительно предпочесть какую-то одну (например: ‘скажи же, чтобы ...ич [Гонич, Мелич и т. п.] взял соль [или соли] в Торжке’; ‘скажи же ему: ...ич взял соль в Торжке’ и др.).

№ 347 (кон. 60-х – 70-е гг. XIII в.; В 41) [Г]. Для последней строки этой оставшейся недописанной грамоты более вероятным, чем словоделение издания: *ожь ти а бе*, — представляется *ожь ти абе*, где последнее слово — начатое *абетникъ*. Ср. в № 1001: *аль последе не жьлоуита, оже ва продаженике поиде* (‘потом не жалуйтесь, если к вам отправится продажник [сборщик штрафов]’). В пользу такой трактовки говорит и предыдущая фраза — [т]ы въддѣши мьнь, очевидно, заключающая в себе угрозу: ‘ты меня знаешь!’.